

Кто такой писатель, знают все. Человек, который пишет книги, встречается с читателями, печатается в журналах, член писательского союза. Но ЧТО такое писатель — вопрос не праздный! Ведь, по большому счёту, у каждого настоящего писателя есть некая сверхзадача, с которой не просто он приходит в литературу, но и сама литература выбирает его. И говорит такой писатель не просто складные слова, но те, которые, кроме него, никто не скажет. Сверхзадачу придумать нельзя. Она есть поручение свыше. Писателю Павлу Кренёву такую сверхзадачу придумать не было нужды. Он волею

судьбы — хранитель и художественный исследователь загадочного и древнего исторического языкового явления — поморской говóри. И эта задача всегда была с ним, исконным, потомственным помором.

Поначалу Павел Григорьевич пошёл по стезе журналистики. Будучи выпускником Суворовского военного училища, закончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. По окончании аспирантуры Академии безопасности России стал кандидатом юридических наук. Дослужился до высоких генеральских чинов, готовил кадры в Академии безопас-

ности, занимался научной работой по вопросам разведки и контрразведки. Есть в его послужном списке несколько лет работы в администрации президента РФ. В марте 1996 года Павла Григорьевича назначили полномочным представителем Президента в Архангельской области. Было дело, даже чуть не стал архангельским губернатором, но, видимо, у Бога были к тому времени уже другие планы на Кренёва... Сегодня Павел Григорьевич делает то, что не сделает ни один, даже самый умный губернатор-управленец. Ни один, даже самый важный засекреченный высокопоставленный офицер. Кренёву выпала миссия хранителя древнейшего говора, в котором закодирована древнейшая история народа русского. Речь о поморской гóвóре! Ведь кто такие поморы, к которым принадлежит Павел Кренёв? Последние носители былинного древнейшего уклада Русского Севера. Именно тех его областей, которые ныне пришли в упадок и изрядно обезлюдели. Сохранить этот мистический поморский север хотя бы в слове, в литературе — задача, посильная лишь литературным богатырям, и один из немногих — Павел Кренёв.

Литературный послужной список его впечатляет. Лауреат всероссийских и международных литературных премий и фестивалей: «Золотой витязь», «Русские мифы», премии имени Николая Лескова и Александра Невского. Автор множества книг: «Берег мой ласковый», «Девятый», «Река детства», «Под Большой Медведицей», «Краски моего моря»

и других. Произведения переведены на многие языки мира — сербский, польский, турецкий... И вот одна из книг Павла Григорьевича Кренёва — «Поморские истории» — лежит передо мной. Книга новая, 2020 года издания. Книга билингвальная, изданная на русском языке оригинала и одновременно на сербском языке в переводе известного черногорского писателя Войислава Караджича. Написал «на русском языке оригинала» и задумался. Оно, конечно: Кренёв — русский писатель, продолжатель традиций почвенной классической прозы XX века. Но в то же время язык оригинала прозы Кренёва — то самое поморское наречие-гóвóря, с которого когда-то начинался русский язык, но оно в наши дни в России стало едва ли не экзотикой. Некоторые языковеды пишут: основа современного русского языка едва ли не на 70% — новгородское наречие, а именно оно было первоосновой поморского наречия. Ведь поморы, к которым честь имеет принадлежать Павел Кренёв, по праву рождения и крови — потомки велико-новгородцев, людей суровых и удалых, ушкуйников и первопроходцев. Не суетливые и не говорливые северяне веками хранили и хранят мистические предания Севера. Этот неспешный и несуетный, как всякий, узнавший главную тайну жизни, север похож в своей отрешённости на образ леса в одной из кренёвских новелл. При этом — как не отождествить главного героя новеллы (которая по художественному объёму вполне тянет на роман), Не-

сторы Квасникова, этому северному лесу, увиденному им в последний день жизни: «Перед зимой, перед холодами лес стоит спокойно и твёрдо стоит, как воин перед решающим боем — торжественно и величаво. Он знает, что умрёт на несколько месяцев, но это нисколько не страшит воина, не рушит его духа. Он всё равно выйдет победителем в вечной битве с превратностями зимы. Лес умрёт красиво, и жёлто-красные не опавшие листья берёз и осин, яркие, не до конца растрепленные птицами кисти ягод на рябинах, будут до самой весны украшать увядший лес...» Таким видит лес в последний день жизни Нестор Кириллович Квасников, народный художник милостью свыше, чей талант огранился не в художественных академиях, но на северных ветрах. Его творческой мастерской стал берег Баренцева моря, а главным учителем — природа. Односельчане, отмечая недюжинный талант мальчугана Нести, наперебой советовали учиться дальше. Но — где родился, там и пригодился. Благодаря Несте-Нестору, который, ещё будучи мальцом, начал украсно украшать, взявшись за кисть и краски, северянски-скромные домики земляков. В итоге его родное село стало одной из достопримечательностей Севера, куда стали наведываться высоколобые столичные искусствоведы с целью изучения самобытности северного искусства. Нестор Кириллович учился у природы видеть красоту так, чтобы глаз не «замыливался» со временем. «...Встанет он после зимы перед Текусыной горкой, что

возвышается над низким березняком между двух Частых озёр, и глядит, не может оторваться. Только что, в зиму, смотрелась она, будто чья-то лысая головушка с негустой боковиной голых берёзок да чахлых кустиков. А по весне будто раскидала по ней Природа-матушка весёлые брызги ранней зелени, и стоит гора в нежных нарядах, в цветастых платьицах, словно юная девушка красуется перед милым пареньком в своих девичьих прелестях...»

Выходцы из старинного города-государства Великого Новгорода, поморы не только внимательны к природе, в обнимку с которой живут, но и независимы. Поучающая нас сегодня демократии Европа подзабыла: в России основы демократии, благодаря новгородцам и их потомкам, имеют тысячелетние вечевые корни. Поморы никогда не знали крепостного права, не привыкли никому кланяться, всегда сами, своим трудом добывали насущный хлеб. Свободолюбивые потомки новгородцев, привыкших менять прощрафившихся князей на вечевом сборе, поклонялись только природе и Белому морю-батюшке. На берегах этого моря, в деревне Лопшеньга, и родился писатель Павел Кренёв, хранитель и защитник поморской говёри... На этом наречии поморы даже не столько выговаривали, сколько выпевали слова, былинно и распевно, как когда-то гусяр Садко и сказительницы. Покуда учёные-филологи дискутируют: произошла ли поморская говёря от древненовгородского языка или же она есть,

образно говоря, вовсе не «дочка», но — «матушка» древне-новгородского языка, уникальное наречие исчезает, растворяясь в нынешней агрессивной языковой среде... Но благодаря таким писателям-волхователям как Павел Кренёв, уникальное наречие сохраняется. Они — хранители красоты и мелодизма языка, пробуждающие генную память народа. Ведь в той же Забайкальской глубинке, откуда я родом, помню немало слов, которые, оказывается, свойственны поморской говóре. Вероятно, далёкие мои предки, как и многие сибиряки, были потомками поморских первопроходцев.

Справедливости ради надо сказать, что не сегодня, не вчера и даже не позавчера начались гонения на древнее поморское наречие. Неприятие поморской говóри на официальном уровне идёт ещё со времён Ломоносова, этого холмогорского помора и великого сына Русского Севера. Один из современников Ломоносова, поэт Сумароков, обвинил его в том, что Ломоносов принёс в «изысканный» литературный российский язык множество «подлых» холмогорских слов. Вот лишь одна цитата из Сумарокова: «Бряцает и бренчит есть слова самые подлые ... и есть слово новомышленное и подло как выговором, так и знаменованием». Ох, уж эта неискоренимая московская спесь и претензия на превосходство, которые не минули даже хорошего писателя Сумарокова, считающегося одним из создателей русского языка! Ведь сам Сумароков литературные нормы

русского языка брал из просторечия, но — из московского просторечия. А потому и литературный русский (российский) язык создан на основе не менее «подлого» московского диалекта. Чем уж помешало Сумарокову поморское наречие? Как, будучи поэтом, он с высоты столичной колокольни не заметил, насколько мелодичный, живой и поэтический «нрав» у северного наречия? Не потому ли непостижимой притягательностью и ощущением волшебства представляется нам творчество писателей, связанных с русским Севером — Василия Белова, Николая Рубцова, Владимира Солоухина, Владимира Личутина, Павла Кренёва... Отголоски поэзии русского Севера звучат в их произведениях.

Увы, поморскую говóрю можно назвать исчезающим говором. А ведь, по утверждениям некоторых учёных-языковедов, она — реликт некоего арийского единого земного наречия... Ранее дети, появившиеся на свет в поморских сёлах, говорили именно так, как говорили их бабушки. Потом выросли, заканчивали школы и поступали в институты, где поневоле позволяли себе внушить «Сумароковым наших дней»: их колоритный «ломоносовский» говор отстал от жизни. Они переучивались на современный литературный язык, теряя огромное родовое богатство и забывая: посконность поморской говóри — на деле древняя исконность её! Сверхзадача Павла Кренёва — показать не только северянам, но и всем нам, в чьих жилах, возможно, течёт кровь северной пра-

родины — неповторимую и неподвластную времени красоту наречия, созданного непокорным поморским народом, отродясь не знавшим крепостного права и проживавшем на суровых ветрах Баренцева моря не в гордыне, но в осознании непрерываемого человеческого достоинства. Таков уже упоминаемый народный художник Нестор, что способен сказать председателю поморского колхоза горькие слова о разорении поморского уклада дикими рыночными методами хозяйствования.

В наше время тотальной нехватки времени особое читательское спасибо Павлу Кренёву за его умение сказать многое в небольшом по объёму произведении, когда прочитав его на одном дыхании, читатель думает: «Ну что ж так быстро закончилось?» — и жаждет продолжения разговора с писателем. Та же новелла «Художник», которую я взял для примера, по содержанию — поэтическое произведение, которое к прозе можно причислить лишь жанрово. Насколько полно и ярко предстаёт перед читателем жизненный путь главного героя, народного художника Нестора Квасникова в компактном по форме произведении! Тут и детство, когда маленький Нестя с удивлением открыл в себе удивительное дарование видеть красоту мира и делать мир красивее, чтобы потом удивлять земляков-односельчан, превращая их по-северянски скромные дома в расписные хоромы. Тут и зрелость, когда, попав на фронт во время Великой Отечественной войны, Нестор Кириллович, как и подобает

помору, показал себя мужественным воином, не растеряв в военной мясорубке душевных качеств. В трагические моменты войны он сохранял сострадание к поверженному врагу, являя гуманизм, исконно присущий суровому русскому человеку. Его разговор с убитым им фашистом, который несколько раз чуть не убил его, — апофеоз пушкинского призвания «милости к падшим». Тут и вся жизнь человека, пригодившегося родной земле, близким людям, которая всё-таки подошла к концу... По неволе вспоминается классическая повесть «Последний поклон», написанная о встрече двух миров. Нестор Кириллович, поговорив с Богом, прощается с близкими и обращается к ним с просьбой помочь в последний раз, на закате земной жизни, увидеть рассветное небо на морском берегу... Какой ничтожной по сравнению с этой несуетностью кажется столь навязываемая ныне читателю остросюжетность повествования, или, как её нынче называют на иностранном манер, — экшен. Уметь удивлять читателя сюжетными хитросплетениями, наверное, неплохо. Но уметь не «телесным», но душевным движением сюжета, не это ли есть главное призвание писателя?.. И это умеет Павел Кренёв. Посему я бы особенно рекомендовал чтение его произведений молодым людям в период личностного становления: часто внешняя сюжетность отвлекает человека от осознания необходимости растить душу, а не жить в прихотях тела. Выдающийся российский критик Владимир Бондаренко назы-

вает Павла Кренёва певцом Поморья. Счастье Павла Григорьевича — ему нет надобности ездить в этнографические экспедиции, чтобы собрать материал для книг и войти в тему. Кренёв, овеянный поморским духом и ветрами русского Севера,

сам себе и тема, и судьба, и этнографическая экспедиция. Такие писатели от духа и плоти народа сегодня редки. А, впрочем, хорошего никогда не бывает много...

*Самарская область,
Пестравский район, село Майское*